

царь верхом на коне. Он спросил, откуда мы, и мой супруг ответил, что он от двора короля Артура. «Ах так, – сказал неизвестный рыцарь, – я буду биться с тобой, ибо я ненавижу всех, кто стоит при дворе короля Артура!» И супруг мой, что лежит здесь мертвый, сел на коня, и они съехались с неизвестным рыцарем, и тот пробил ему копьем грудь насквозь. И тем вверх меня в горе и бедствия.

– Мне грустно слышать, – сказал сэр Тристрам, – что вы в столь тяжком горе. Но не соблаговолите ли вы назвать мне имя вашего любезного супруга?

– Сэр, его имя было сэр Галардон, и он бы еще выказал себя доблестным рыцарем.

Вот расстался сэр Тристрам с той плачущей дамой и поехал своим путем и две ночи ночевал под открытым небом. А на третью ночь в лесной сторожке встретился сэр Тристрам с сэром Гавейном и сэром Блеоберисом, и оба они были жестоко ранены. Спросил сэр Тристрам сэра Гавейна и сэра Блеобериса, не было ли у них встречи с таким-то рыцарем, у которого знак такой: затянутый сверху донизу щит.

– Любезный рыцарь, – отвечали эти раненые рыцари, – именно такой рыцарь и встретился нам на нашу беду. Сначала он поверг наземь товарища моего, сэра Блеобериса, и жестоко его поранил, а меня сэр Блеоберис просил не вступать в поединок, полагая, что такой противник чересчур для меня силен. Незнакомый же рыцарь принял его слова за оскорбление и сказал, что они сказаны ему в насмешку. И тогда они выехали друг против друга, и он поранил моего друга. А после этого мне стыд уже не позволял отпустить его без боя. Он же с первого раза сбил меня наземь вместе с конем, а потом едва не лишил меня жизни. А потом сел на коня и нас оставил; в недобрый час мы с ним повстречались!

– Любезные рыцари, – сказал сэр Тристрам, – он и мне тоже повстречался, мне и еще одному рыцарю, сэру Паломиду, и он нас обоих сокрушил наземь одним копьем и жестоко нас поранил.

– Клянусь верою, – сказал сэр Гавейн, – пусть он лучше едет своей дорогой, вам же лучше не искать с ним встречи, ибо в будущий праздник Круглого Стола, ручаюсь головой, вы сможете найти его там.

– Клянусь верою, – сказал сэр Тристрам, – я не буду знать отдыха, покуда не найду его!

А сэр Гавейн тогда спросил у него его имя. И он ответил:

– Мое имя – сэр Тристрам.

Так они открыли друг другу свои имена, а потом простились. Сэр Тристрам поехал дальше своей дорогой. И случилось ему на лугу повстречаться с сэром Кзем-Сенешалем и с сэром Динаданом.

– Какие вести, – спросил сэр Тристрам, – у вас, рыцари?

– Недобрые, – они отвечали.

– Что так? – спросил сэр Тристрам. – Прошу вас, расскажите мне все, ибо я разыскиваю одного рыцаря.

– А какие знаки он носит? – спрашивает сэр Кэй.

– Он носит щит, – отвечал сэр Тристрам, – плотно затянутый сверху донизу.

– Клянусь головой, – сказал сэр Кэй, – этот же самый рыцарь повстречался и нам! Минувшей ночью мы ночевали тут поблизости в доме одной вдовицы, и там стоял и этот рыцарь. И когда он узнал, что мы – от двора короля Артура, он произнес против короля оскорбительные речи, особенно же против королевы Гвиневеры. Потому наутро был у нас с ним бой. И он с первого же раза выбил меня из седла, – сказал сэр Кэй, – и поранил меня жестоко. Увидел мой товарищ, сэр Динадан, меня поверженным наземь и жестоко раненным, однако не стал за меня ему мстить, а обратился в бегство. А тот нас оставил и ускакал прочь своей дорогой.

Тогда сэр Тристрам спросил у них имена, и они назвались друг другу. После того сэр Тристрам расстался с сэром Кзем и сэром Динаданом и долго ехал густым лесом, покуда не выехал в долину, где стояла монашеская обитель.

Там отдыхал он у доброго человека целых шесть дней.

Он послал оттуда в город по соседству оруженосца своего Говернала и велел ему добыть там новые доспехи, ибо уже давно сэр Тристрам не обновлял своего снаряжения и его старый доспех весь был посечен и порублен. И когда Говернал воротился с новым для него облачением, он рас-